

Все глаза в зале были устремлены на Сигальду, но то, как каждый из них воспринимал это мерзкое зрелище, было разным и показательным. Королева Корделия смотрела с мертвыми глазами и поражением, как ее дочь заставляют дрочить член в самом святом зале ее королевства. Словно одурманенная, она, казалось, не имела больше сил возражать или менять события. С тех пор как ее муж скончался от болезни, она чувствовала себя беспомощной и потерянной даже в лучшие времена. Теперь эта ужасная сцена атаковала ее разум, и без того измученный утратой, и, казалось, подтвердила, что проклятие постигло ее землю и близких. Под пустым взглядом ее груди, как ярмарочные тыквы, вздымались на белой ткани халата с вышивкой.

Эйна и Дункана заставили смотреть, крепкие руки обхватили их юные головы, а в уши шептали строгое предупреждение не вздрагивать и впитывать каждую деталь. Как это всегда бывало, реакции мальчиков различались так же сильно, как и их характеры. Эйн был ошеломлен, он дрожал, его большие глаза наполнились слезами. Он всегда благоговел перед своей сестрой, и видеть ее в таком унижительном положении было ужасным потрясением. Вид пениса старого Галайна напомнил мальчику, что у него тоже есть такой член в подштанниках, который иногда вставал вертикально, когда он просыпался. Правда, он был маленьким и лишенным кустистых волос. Наблюдая, видя разницу в анатомии, сдерживаемую грубиянами, он сразу почувствовал себя неумелым ребенком, даже будучи наследником престола. Рядом с ним выражение лица молодого Дункана было иным, его глаза, казалось, впитывали все с жадной познать и понять. Каштановые волосы и румяная кожа, как у всех низкорощенных, физически объединяли Дункана с повстанцами больше, чем с дворянами, и в их исхудалых, безжалостных лицах он видел жажду насилия и новых впечатлений, что отражало его собственную. Никто не заметил, что во время убийства Бертины он наблюдал за происходящим с особой жадностью, впитывая каждую деталь. Это была истина и слава конфликта, которую Дункан давно мечтал испытать, хотя в оружии и обучении ему было отказано как подневольному слуге. Кровавое зрелище. На его лице отразился не ужас, а предвкушение того, что он наконец-то сможет сыграть свою роль.

Агата Вормвуд из Гараванта тоже наблюдала за происходящим и непристойно облизывала губы в предвкушении, словно занавес спектакля уже задернут и самое интересное еще впереди. "Ты не очень хорошо владеешь членом, миссис, - пробормотала она про себя, - но, думаю, время покажет, что ты стала намного лучше!" Хотя возраст для таких вещей уже давно вышел - высохшей старой короне было сто лет, если бы она была днем, - любой, наблюдая за языком ее тела, мог бы подумать, что она получает извращенное физическое удовольствие от происходящего. Ее пышная черная ряса развевалась на теле, которое казалось бесформенным, лишенным каких-либо привлекательных наростов, пиков и впадин, если они вообще там были, ее подбородок был усеян бородавками и даже имел несколько облезлых старушечьих усов.

Больше всего шума по поводу рукоблудия Сигалды подняли рядовые мятежники, у которых не было причин скрывать свое удовольствие от ее унижения. Три десятка человек в тронном зале насмеялись и издевались, пока она занималась своим делом. В своей прежней жизни Сигальда была самой неприкасаемой во всем королевстве и вызывала у них благоговение и ненависть. Каждый, кто видел ее за работой, боялся ее и вполголоса рассказывал о принцессе-воительнице, исполняющей волю благородных, истребляющей тех, кого называли "несправедливыми", морящих голодом мужчин, вынужденных заниматься бандитизмом. И в этих тихих шепотах не было ни одного грубияна, который бы не упоминал с неким вождением ее стройную грудь, толстый зад и изящные формы. Многие из мужчин, отобранных в личный отряд Старра, были близки к восстанию и потеряли братьев и отцов под

клинком Сигалды. Они желали только одного - увидеть ее гибель, и их члены пульсировали в гульфиках при первой же возможности. Они взывали к ней на обычном языке Окраины - "Поработай над членом!", "Я чувствую запах твоей мокрой пизды, шлюха!", "Держу пари, тебе это нравится, ты, наверное, целыми днями дрочишь на дворян!" - а некоторые даже доходили до того, что тянулись за своими кожаными гульфиками и теребили свои выпуклые эрекции через свободные панталоны.

Минута поглаживаний не принесла никаких изменений в состоянии Галайна, и Сигальда начала беспокоиться. Ускорение темпа не принесло никаких изменений, только усилило непристойный звук дрыгающейся плоти. "Дядя, зачем!?" - беспомощно спросила она, глядя на гримасничающего мужчину. Оставалось всего три минуты, а эрекции не было и следа. "Ради моей сестры, что тебе мешает?"

"Я не могу этого вынести", - нерешительно ответил Галейн. "Это слишком неправильно, это не доставляет мне удовольствия, как хотелось бы, а скорее наполняет меня стыдом!"

"Тогда что же доставит тебе удовольствие?" воскликнула Сигальда, ее глаза были полны отчаяния. "Ты должен сказать мне, дядя!"

Галейн покраснел и, казалось, не мог больше ничего сказать, так как драгоценные секунды уходили. Он выглядел как бомба замедленного действия, готовая взорваться, человек, сдерживающий желание убить, трахнуть или закричать. Его колебания привлекли еще один призыв его стоящей на коленях ученицы, которая все еще ласкала его мягкий пенис. "Дядя!"

"Ты должен поцеловать его!" прорычал наконец Галейн, срываясь на Сигальду с той властью, с которой он когда-то преподавал ей уроки ударов, парирования и уклонений, уроки, проводимые на парапете с манекенами из мешковины и деревянными мечами; у мужчины было меньше седых волос и меньше кишок, девушка была слишком молода, чтобы иметь грудь, но все еще с теми же длинными жеребьячьими ногами и бронзовой кожей, которая сияла как огонь под мальчишеским венчиком ее платиновых волос. "Поцелуй его, девочка, используй этот рот для чего-нибудь другого, а не для пустых шуточек и хихиканья!"

Этот тон Сигальда вспомнила мгновенно, этот властный голос, который наказывал и хвалил ее, лепил из нее воина, и услышать его снова в этих обстоятельствах было горько и непристойно. "Дядя?!" - сказала она, чувствуя, как ее эмоции разрываются. Ее руки перестали двигаться, она чувствовала себя парализованной... пока его натренированная рука не вырвалась и не ударила ее по лицу, отчего резкий звук эхом разнесся по залу.

"Ты глухая и глупая?" рявкнул Галейн, его голос напрягся, а на воротнике появилась красная полоса. "Открой свой болтливый рот, девчонка, и проглоти мой член!"